

Московские новости,
-1996, -7-14 апр. - с. 37



МАСТЕР-КЛАСС

Рубрику
ведет

Алла
ДЕМИДОВА

Искусство паузы

Я скачу по актерской паузе в театре. Знаю, что это, пожалуй, самое трудное в театре – «держать паузу». Именно «держать». Это ощущение похоже на телекинез, о котором сейчас много пишут, – когда якобы силой воли или напряжением какой-то другой энергии в воздухе зависает предмет. Точно такое же энергетическое напряжение требуется от актера, чтобы пауза «зависала».

Я помню Николая Симонова в Сальери, в спектакле Ленинградского театра им. Пушкина – незабываемое его начало роли: открывался занавес, в глубине сцены стоял спиной к публике Симонов – Сальери в полнейшей тишине. И чем дольше молча стоял Симонов, тем больше сгущалась эта тишина. Но когда это предгрозовое ощущение уже невозможно было вынести, он резко поворачивался и гневно, отрывисто, со своей характерной четкой артикуляцией, как молния, разражался долгожданной фразой: «Все говорят: нет правды на земле, но правды нет и выше»... Незабываемое впечатление!

Рассказывают, что когда Михаил Чехов играл Гамлета, он в середине одного монолога неожиданно умолкал, и зависала огромная пауза. Зал напряженно ждал. Когда М. Чехова спросили, о чем он в это время думал, он сказал, что ни о чем, просто разглядывал гвоздь в полу. Не знаю, правду он про себя сказал или выдумал, чтобы отвязаться от досужих расспросов, но даже если это и так, то, видимо, на этом гвозде была такая сильная концентрация актерской энергии и воли, что сам по себе гвоздь ничего не значил.

К сожалению, современных примеров я не могу припомнить.

«Зоны молчания» были в спектакле Анатолия Васильева «Взрослая дочь молодого человека», который он сделал в конце 70-х годов в Московском театре им. Станиславского. После бурных диалогов, которых не помню, наступала пауза – актеры делали салат. Причем интересно было смотреть за тем, как они его делают, то есть за чисто физическим действием, но чем дольше они молчали, тем интереснее было нам, зрителям, входить в зону напряжения, которая уплотнялась почти физически от продолжительности паузы. Актеры не просто молчали, они молчали о том же о чем тогда молчали мы, потому что все слова были уже сказаны. Жизнь персонажей на сцене и наша были адекватны. А нашу жизнь и нас самих мы тогда научились понимать без слов. Это был, конечно, сознательный режиссерский расчет, но воспринимался тогда, как новый язык театральных выразительных средств, как новое театральное открытие.

И хоть кажется, что мы друг про друга все знаем, мы живем друг от друга скрытно, а скрытные люди, как известно, много говорят – это еще Чехов заметил. Слова в его пьесах – это ширмы, словами его герои закрывают свои чувства. А раскрываются они неожиданно через чебутыкинское «Тарара...бумбия...» – сижу на тумбе я...» или знаменитое «та-та-та» Вершинина и Маши. Здесь скрытое бессловесное телепатическое общение доведено уже до простого звука.

Я мечтаю о том времени, когда мы придем в театр, откроется занавес, актер выйдет на авансцену, сядет в удобное кресло, мы поглядим друг на друга – и замолчим часа на полтора. Но такой актер еще не родился, к сожалению. Впрочем, и зрителя такого тоже нет.

Актерские паузы бывают не только на сцене – они бывают и в жизни: паузы простоя, и в них надо тоже работать, и работать более напряженно, чем всегда. Я, кстати, тоже люблю такие паузы: это пауза накопления.

Я не люблю в театре антракты – паузы пустоты. Они снимают напряжение, достигнутое великим трудом вначале. После антракта актерам надо начинать с нуля.

Итак, пауза напряжения – высшее проявление актерской профессиональности. И недавно, глядя по телевизору присуждение профессиональных актерских наград «Золотая маска», я подумала: а не ввести ли в них новую номинацию – за лучшую актерскую паузу?